

В поисках Великой Венгрии

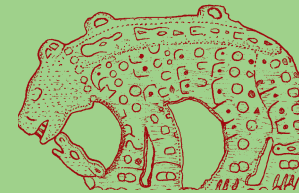
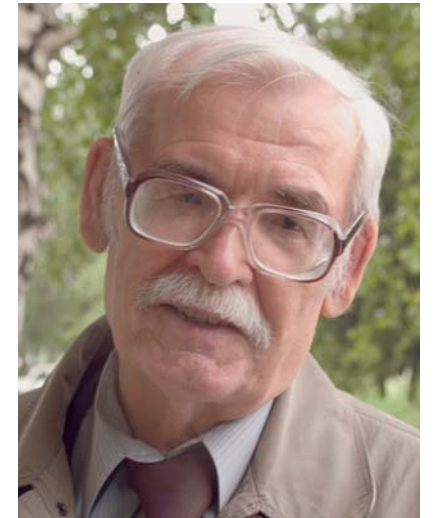
Схема мироздания.
Бронза, VI—IX вв. н. э. Релкинский
могильник в Среднем Приобье
(Томская обл.)

Культовое место Мис-хум-ойки. Фото А. Бауло

КОСАРЕВ Михаил Федорович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (Москва). Более 40 лет вел активные археолого-этнографические исследования. Опубликовал около 200 научных трудов, в том числе монографии «Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда», «Язычество Сибири» и др.

Научным наставником М. Ф. Косарева был Валерий Николаевич Чернецов — выдающийся археолог, этнограф, лингвист, крупнейший специалист по древней истории Западной Сибири. В 2005 году научная общественность отмечала 100-летие со дня рождения ученого

Мы продолжаем публикацию отдельных глав готовящейся к изданию исторической повести М. Ф. Косарева «В поисках Великой Венгрии». Произведение написано в необычном для ученого литературно-художественном стиле. При этом автор стремится не отступать от исторической правды

...Шестнадцать веков отделяют нас от смутной поры тюркско-хуннских экспансий, вошедших в историю как Великое переселение народов. Участниками событий той драматической эпохи стали многочисленные древнеугорские племена, жившие в Западной Сибири. История по-разному распорядилась их судьбами. Южные угры (современные венгры, или мадьяры) были захвачены хуннами, перенесли немало испытаний, не раз стояли на краю гибели и, в конце концов, переселились на Средний Дунай. Северные угры, пройдя череду «расцветов» и «упадков», удержались на своей исконной земле — в таежном Обь-Иртышье и называют себя «ханты» и «манси».

В основу книги положена «биография» одного таежного древнеугорского рода ас-яхов (род медведей), вынужденного покинуть родные мес-

та. Люди стояли перед выбором: уйти на юг в поисках благодатных земель или остаться. Трагичность положения усугублялась тем, что они не могли знать наверняка, какой из этих путей ведет к спасению, а какой — к гибели. И нередко поступками племен и народов правил не столько разум, сколько необузданные страсти...

Книга наводит на мысль о цикличности исторических ситуаций. События давних веков во многом схожи с теми, что мы переживаем сейчас. Может быть, опыт прошлого предостережет нас от ошибок, допущенных нашими предками, и сделает более мудрыми. Во имя жизни...

Северные самоеды (касы)

Бронзовая фигурка шамана. Первая половина I тыс. н. э. Ерыкаевский клад (Кемеровская обл.)

Шаманские бубны: 1 — алтайский, 2 — кетский

Бронзовая фигурка шамана. На рубеже эр. Река Напас (Томская обл.)

Убитый обско-угорский богатырь. Гравировка на блюде. Вторая половина 1 тыс. н. э. Река Сосьва (Свердловская обл.)

Сова. Наскальный рисунок. Хронологическая принадлежность неясна. Писаница на реке Томи (Кемеровская обл.)

Древние изображения медведя:
1. Хронологическая принадлежность неясна. Томская писаница.
2. Гравировка на бронзовой бляхе. На рубеже эр. Тюменская обл.

Пушная пора

Ш есть дней никто не видел солнца, мир накрыла тяжелая свинцовая муть. Вода низвергалась сверху сплошным ливневым потоком. Стала выходить наружу подземная вода, образуя новые родники и истоки, собираясь в урманных и луговых низинах новыми озерами. Все вокруг захлебывалось от избытка влаги. Казалось, верхние и нижние боги объединились в общем желании наслать на землю очередной Всемирный Потоп. Но утро седьмого дня встретило людей ясным небом, светлым солнцем. Снова открылась взору Божественная Долина, чистая, незамутненная, с темной синью озерных окон, с золотыми лесными островами.

Все знали, что за немногими погожими днями придут холодные ветры с мокрым снегом, а следом — долгая белопольная зима со злыми морозами. Боясь упустить время, Рач послал своих людей в Лайганское и Эмдерское селения известить о совместном молении об удаче в предстоящих зимних охотах.

Мужское население всех трех селищ прибыло к устью Лайгана, обозначавшему, как считалось, середину Эмдерского владения. Дальше поплыли совместно на другую сторону Эмдерской протоки, где в пяти полетах стрелы от пойменного берега вздымался к небу высокий материковый останец. Там обитал в своем заместительном теле Ене-ики —

Большой Старик, богочтимый предок, бывший в своей первой земной жизни великим шаманом, а после смерти удостоенный по милости верхних богов звания Духа.

Ас-яхи приравнивали Ене-ики по силе и величию к богатырскому богу Паирахте и часто называли Орт-ики — Князь-Старик, хотя богатыри, слыша об этом, недовольно морщились. Тем не менее, высокородное эмдерское семейство не противодействовало кощунственной подмене, справедливо полагая, что их великий небесный отец одинаково равнодушен как к приязни простолюдинов, так и к их неприязни, если бы кто-либо

из низкороденных осмелился ее проявить.

Перешли прибрежную согру, затем по пологому склону дикий буреломный лес. Двигались молча, ведомые Рачем, лучше других знавшим расположение ловчих ям и самострелов, охранявших подступы к жилищу кумира. Наконец глазам идущих предстала беломшанная дюна, поросшая чистым борovým лесом. На гребне — гигантская сосна. Под ее сенью приютился бревенчатый домик на высоких столбчатых ногах. У подножия лестница — бревно с семью зарубками-ступенями. Трижды поклонились жертвенному дереву и священному жилищу. Прислонив лестницу, Рач и Гында поднялись наверх, к богочтимому духу.

Идол стоял на дощатом возвышении у передней стены. Невысокий, в два локтя. В железной шапке и большеразмерном халате с подвернутыми полами. Непомерно длинные рукава свешивались с помоста до самого пола. Над резными овалами глаз крутое надлобье, отягощенное широким плоским носом без переносицы. Рот выглядит третьим глазом и обозначен таким

же поперечным овалом. В помост-престолье воткнуто несколько железных ножей. Здесь же две деревянные чаши с разложившейся от давности жертвенной кровью.

Пока люди ломали сухостой для костра, Рач с Гындой переодели идола. Сняли железную шапку, халат. Когда развязали последнюю опояску, из-за пазухи на престолье и жердяной пол со звоном посыпалось мелкое медное литье: кольца, бляхи, наконечники стрел, фигурки животных, птиц. Ене-ики предстал во всей своей неприглядной древесной наготы: остроголовый, руки — короткие беспальные обрубки, внизу невысокий срединный вырез, разделяющий ноги, под животом — толстый прямой сук, изображающий мужской детородный пест.

Голого истукана одели в чистый красный кафтан, опоясали новыми шелковыми лентами. Собрали с пре-

столя и пола выпавшие при переодевании вещи, вернули за пазуху, присовокупив пару серебряных серег, серебряный перстень, медный наконечник стрелы.

Повесили на боковую стену соболю, кунью шкуру и лисьи: две красные, одну черную. Взяв прежний халат со старыми опоясками, спустились вниз.

Гында и еще один ас-ях подвели к дереву упирающегося оленя, повернули на полдень. Рач, завершив молитвенные призывы, махнул помощника рукою. Те привычно и споро совершили требуемое обычаем жертвенное заклинание...

Вываленные в берестяные судки внутренности испускали пар и запахи крови. Прежде чем дать знак к началу сыроядения, шаман взял две чаши, покромил туда кусочки легкого, печени, почки. Из одной покормил огонь, другую опрокинул на комель священного дерева. Наполнил третью чашу, отнес в жилище Орт-ики. Обмакнул пальцы в кровавое месиво, умастил рот и лицо кумира.

После жертвенной трапезы повесили на ветвь сосны оленью шкуру, снятый с идола халат, ленты. Пок-

лонившись дереву, огню и жилищу духа, Рач передал просьбы и желания собравшихся:

— Живущий в светлом мире Ене-ики, славный родоначальник, добрый покровитель! Мы принесли тебе посильные дары, насытили жирным мясом, красной кровью, почтили своими восхвалениями. Сделай обильным зимний промысел. Пусть урманы не скудеют мясным и пушным зверем. Пусть наши мужчины будут удачливы в охоте.

Два дня спустя, опережая ледостав, старейшины, заранее договорившись меж собою, отправились в Эмдер-вош услышиться насчет княжеской пушной доли. В разные годы она колебалась сообразно численности зверя и в соответствии с даруемой богами удачей. В средний по добычливости год на каждый лук полагалось девять соболей. Соболий взнос можно было заменить бобровым из расчета один бобр за три соболя, беличьим — семьдесят белок за соболя, куньим — две куницы за соболя, красной лисою — две за соболя, черной лисою — одна за два соболя. В хорошие годы княжеская доля возрастала до двенадцати соболей на лук, а то и более.

Ритуальная
пляска обско-
угорских воинов.

В центре — фигура богатыря-
военачальника. Гравировка на дне
серебряного ковша.
Вторая половина I тыс. н. э.
Коцкий городок (Тобольская губ.)

Глиняная посуда из погребений
южноугорской знати. II—IV вв. н. э.
Сидоровский могильник в Среднем
Прииртышье (Омская обл.)

После гибели
Ендыра и троих
других братьев-
богатырей в Эм-
дерском владении
княжил молодой Яг.
Старейшины просили
его положить семь соболей
на лук, ссылаясь на неурожай
ореха и лиственничной шишки. Яг
согласился не споря, и стариков
несколько удивило равнодушие
Яга к своей выгоде. Они объяснили
это горестным потрясением в связи
с гибелью эмдерской богатырской
семьи.

Как только снежный покров окон-
чательно утвердился на земле, муж-
чины уложили на нарты охотничью
снасть, пищевой запас, стали на
лыжи и, волоча санную поклажу, от-
правились лесовать в дальние урман-
ны. С ними ушли все собаки, кроме
не искусенных в охотничьем деле
недорослей и старых, теряющих
носов. Ас-яхские собаки умели
не только выслеживать и держать
дичь. Они извещали о грозящей
опасности, отгоняли злых духов, за-
щищали хозяина от хищного зверя,
согревали его в холодных ночевках,
помогали тянуть тяжелую санную
поклажу.

Из селения леулцы вышли в две
стороны: одни направились к северу,
вдоль борового берега Эмдерской
протоки, другие, в их числе Орган
с братьями, — на запад, в урманную
глубь, примыкающую к стране ма-
хумов. С сыновьями шел старый
Рач. Предполагалось, что он будет

водой. Завернулись в меховые оде-
яла, но уснуть не довелось.

В звездной дали все ярче и шире
разгорался прекрасный и страшный
небесный костер. Он надвигался
с полуночной стороны, медленно,
неотвратно. Сначала на краю
неба высветилась зеленоватая дуга,
заклучившая в себя непроницае-
мую тьму, и это был вход в Преис-
поднюю. Дуга делалась все ярче,
радужнее, потом выбросила к югу
длинные светло-зеленые лучи,
концы которых зажгли широкую
колеблющуюся ленту. Дуга и лента
заполнили северную часть неба,
протянули вперед новые лучи. Лен-
та колыхалась многоцветным зана-
весом, переливалась шевелящимися
складками, закручивалась немыс-
лимыми спиралями, истончалась,
разрывалась на легкие туманные
куски, сквозь которые начинали
мерцать звезды. Но внезапно все
вверху вспыхивало с новой силой,
расцветивалось чарующими живы-
ми красками, текло на юг сплошной
огненной рекой, одновременно
приближаясь к земле, и казалось,
верхний огонь вот-вот сольется
с пламенем земного костра. Но
сияние отдалялось, бледнело, та-
яло, открывая звезды, и вдруг под
дуновением невидимого небесного
ветра опять загоралось божествен-
ными огнями, все снова приходило
в движение, дышало и цепенело,
рождались и умирало...

Охотники лежали, скованные
сладостным ужасом, уверенные, что
стоит на мгновение закрыть глаза,
и небесный огонь тотчас коснется

Заяц. Бронза. Объемное литье.
В натуральную величину. Около VI—IX вв. н. э.
Архирейская заимка близ Томска

их, и вслед за этим все живое на-
всегда растворится в пламенеющей
вселенской бездне. Небо погасло
с наступлением рассвета. Путники
спешно покинули колдовскую
поляну, притянувшую к себе сокро-
вленное знамение иных миров...

Шли молча, лишь скрип снега
нарушал тишину еще спящего леса.
Прямо из-под ног, взметая снег,
вырвалась стая белых куропаток.
Тяжело хлопая крыльями, скры-
лись в густохвойной чаще. Тут же
из ближнего куста выскочил заяц,
спросонья прыгнул прямо на людей,
метнулся в сторону, налетел на ель.
Совсем ошалев от ужаса, перемах-
нул через Ваяха, стреканул в ту
же кустистую поросль, где таился
раньше. Собаки запоздало взлаяли,
кинулись следом, но, устыдившись
своей растерянности, остановились,
виновато виляя хвостами. Дальше
шли легко, ходко, с разговорами.
Рач выразил уверенность, что при
столь резвом ходе придут к зимовью
в середине дня.

Шелохнулась еловая кисть, на-
земь просыпался снег. На бурова-
то-серый ствол выскочила белка.
Красиво изогнувшись, повернула
голову к идущим. Одноухий Ваях
с лаем бросился к дереву. Орган
сердито окликнул его, пес обидчиво
взвизгнул, вернулся назад, недоуме-
вая по поводу странного поведения
хозяина. Старые собаки, не раз хо-
дившие на зимний промысел, воп-
росительно взглянули на охотников
и, догадавшись, что те по каким-то
причинам решили пощадить рыжую
хлопотунью, стали обнюхивать
чей-то стершийся след, как будто

происходившее наверху было им
совершенно безразлично. Может,
вспомнили, что по законам люд-
ского племени, по пути в бобровое
селение нельзя обижать встречаемых
зверей: бобры, проведая о чинимых
обидах, сразу поймут, что идут пло-
хие люди с худыми намерениями.
И тогда не будет хорошей охоты.

Между тем, белка, угадав мирный
настрой непонятных двуногих су-
ществ и их лохматых волкоподоб-
ных спутников, выглянула из-за
ствола. Орган приотстал, любо-
пытствуя, что будет дальше. Про-
бежалась по развесистой лапе. Села
в конце, подняла султаном хвост,
покачалась, роняя снег. Вернулась
к основанию ветви. Уселась на
задние лапки, умылась, погрозила
передней. Сверкнула бисеринками
глаз, метнулась по стволу вниз.
У комя резко повернулась, хорк-
нула и, расстелила хвост, понеслась
обратно. Скрылась в густой хвойной
зелени, уже невидимая, швырнула
в Органа шишкой. Зацокала сердито,
давая понять, что представление
закончено и назойливому зрителю
пора идти своей дорогой.

Живя на дереве, высоко от зем-
ли, в преддверии неба, белка более
других земных тварей способна
угадывать волю богов. Зная об
этом, ас-яхи внимательно наблю-
дают беличью жизнь, отчего из-
влекают для себя немалую пользу.

Приметив, что белка устраивает
гнездо выше обычного, тотчас
смекают: предстоящая зима будет
буранная, многоснежная. Когда
основывает свой приют низко от
земли, надо ожидать малоснежную
зиму. Если утепляет жилье с осо-
бым тщанием, следует готовиться
к суровой зиме, с долгими холода-
ми и трескучими морозами.

В местных урманнах водилась
преимущественно рыжая белка.
Но встречалась темная и серая.
Последняя ценилась выше дру-
гих. Незрячий Нах сказывал, что
родом она из Страны Золотых
Гор и посещает ас-яхские края не
от нужды, а из любви к дальним
странствиям. Но попав на чужби-
ну, начинает тосковать по родине
и вскоре возвращается обратно.
Земля там достигает неба и лю-
бима богами. На золотогорном
поднебесье, в Начале Начал, бьют
источные струи Оби, Иртыша
и других великих рек. Люди той
страны не знают голода и черных
болезней. Каждый выбирает себе
занятие по душе: одни пасут ко-
пытный скот, другие возделывают
землю, третьи охотятся на лесного
зверя, четвертые извлекают из
горного нутра золото, серебро,
железо, медь и оловянный камень.
Лесные угры называют эту страну
Мортим-ма, но никто из них там
никогда не бывал.

Оснащение древнего охотника. В уменьшенном виде. Конец I тыс. до н.э. — первая половина I тыс. н.э. Усть-Полуйское городище в низовьях Оби (Тюменская обл.): 1 и 2 — железные ножи с костяной рукоятью; 3 — железная рогатина на деревянном древке

Дважды пересекли чистую строчку соболяго следа. Видели и самого соболя, мелькнувшего темной молнией по гребню длинной колодины. Впереди, пересекая путь, проскакал ушастый беляк, следом меж кустами мелькнула огненно-рыжая спина. Заметив людей, лиса приостановилась, повернулась белой грудкой и, махнув хвостом, скрылась среди деревьев.

На соседней поляне путаные печати лисьих лап, разрытый местами снег. Все ясно: мышковала здесь, пока пробегавший мимо заяц не отвлек от привычного утреннего занятия. Около одной ямки валялась задушенная ласка — главный соперник лисы в охоте за мышами. Белой змеею вьется ласка по подснежным мышиним ходам, и ни одна гуляющая по ним полевка не уйдет от такого охотника. Сегодня маленькой хищнице не повезло. Уснув после сытного завтрака в снежной пещерке, попала в лапы более сильного хищника.

Ас-яхи не бьют ласку: шкурка ее слишком мала, тонка, не обладает должной прочностью, но зверек считается весьма полезным. Люди бывают довольны, если ласка поселяется под полом их жилища или

полянках заискрился под солнцем, по белому полю пролегли серые тени. Неугомонный Ваях рванулся в сторону, суетливо закружил вокруг одиночной лиственницы. Сел, уставясь вверх, заерзал хвостом по неслежавшемуся порошисту снегу. Нетерпеливо взлаивал, оглядываясь на охотников. Из-за приствольной ветки настороженно смотрели вниз черные недобрые — хищные глаза. Плоская головка, округлые ушки, желтое пятно под горлом.

Куница — гроза боровой дичи, самый злобный и жестокий зверь в тайге, превосходящий кровожадностью даже соболя. Неустанно рыскает верхом и низом, истребляет в гнездах неоперившийся птичий молодняк, выпивает яйца, скрадывает на ночевках взрослых

птиц — рябчика, куропатку, тетерю, глухаря. Схватив жертву, перегрызает затылок и, прежде чем съесть, выпивает теплую кровь. Не любит строить собственных гнезд, а скитаясь по округе, ночует то в беличьем, то в птичьем гнезде, предварительно сожрав хозяев. Если бы боги создали куницу величиною не с соболя, а с рысь или росомуху, не было бы в тайге страшнее зверя. И беспощаднее.

Охотники порой встречают ее в не подходящих для этого зверя местах: среди болот, на безлесных речных островах. Случается так потому, что куница, вцепившись в спину спящего глухаря, принуждает того взлететь и нести ее на дальнейшее расстояние — до тех пор, пока выбившаяся из сил птица не падает где-нибудь в незнакомом месте, чтобы составить обед неблагодарному седоку.

Орган окликнул упорно сидящего под деревом Ваяха, и пес нехотя последовал за ним. Подобная строптивость, обычная в собачьей молодости, не внушала опасений. Орган знал: проведя зиму в лесу с охотниками в опытном собачьем окружении, Ваях станет настоящим охотничьим псом, достойным сыном своего отца Елтампа.

Ни у одного таежного народа не было собак, превосходящих в охотничьем умении ас-яхских псов. Они обладали хорошим слухом, чутким обонянием, острым зрением. Были послушны, умны, преданны. Гнали по черностою и белотропу в нужное охотнику место оленя и лося, держали, сколько потребуется, на

Промысловые пушные звери. Бронза. Объемное литье. В натуральную величину: 1. V/VI—IX вв. н.э. Релкинский могильник в Среднем Приобье (Томская обл.). 2. Около IV—V вв. н.э. Парабельский клад (Томская обл.)

доступной выстрелу высоте пушную и пернатую боровую дичь. Не кидались к дереву с безудержным лаем, а старались не спугнуть, не обратить в бегство. Сев на снег и неотрывно глядя на затаившуюся жертву, коротко потягивали, призывая хозяина.

Лес расступился, открыв долгожданное зимовье. Не дойдя нескольких сажений, остановились, откинули на спины наголовники малиц. Рач приблизился к бревенчатому строению, трижды обошел вокруг — по ходу солнца. Отстукал лыжным посохом углы, попросил:

— Теперь уходите, это наш дом, мы тут жить будем.

Уйти должны были духи, занявшие зимовье, пока оно пустовало, ибо дом без обитателей все равно что человек без души. Люди были благодарны духам за то, что поселившись здесь в их отсутствие, не дали жилью умереть, и те обычно без сопротивления уступали его новым постояльцам.

Почти половину помещения занимали широкие нары. Под потолком на ремнях две жерди для сушки одежды. В переднем углу — полка. Войдя, поставили на нее сундук-корневатик со священными принадлежностями. Пока Орган ломал дрова, а отец разводил огонь в очаге, Нарма и Ветлули, взяв роговую пешню, пошли к речке долбить прорубь. Оживив очаг, Рач послал младшего сына городить укрытие для собак. Вернулись Нарма и Ветлули. Принесли воду в туесах и ледяную пластину для оконной дыры.

Утром Рач повел сыновей в бобровое селение. Взяли все четыре нарты, положили меховую постель, топоры, пешни, рогатины, еду на десять дней. Каждый нес в руке три прутика — березовый, осиновый, таловый. Временами Рач вопрошал идущих:

— Куда лежит наш путь?

— Мы идем с гостинцами в дружественное селение, где живет славный бобровый народ! — хором отвечали сыновья.

Своим образом жизни бобры сродни людям и даже превосходят их во многих умениях. Запруживают реки и поддерживают их на нужном уровне. Устраивают под водой склады древесного корма, спускаются к ним зимою через норы, идущие из нижней части жилища. Легко валят деревья, распиливают на бревна и, оценив их достоинство, доставляют либо к плотинам, либо к жилью, либо к пищевым кладовым. Дома их много крепче и неприступнее ас-яхских, ибо бобры искуснейшие строители.

Орган слышал от старших, что бобры любят ходить друг к другу в гости, празднуют свадьбы, делают своим детям деревянные игрушки, изготавливают всякую домашнюю утварь. Хоронят сородичей на особых бобровых кладбищах. Не

Бобр. Гравировка на бронзовом зеркале. В несколько увеличенном виде. На рубеже эр. Истяцкий клад на реке Вагай (Тюменская обл.)

редко воюют между собою и договариваются о мире. Имеют рабов. Бывалые охотники легко отличают их от других бобров по чрезмерной худобе и сильно потертой спинной шерсти. Но в стариковских рассказах очевидное переплеталось с невероятным, прямое слово — с иносказанием, и никто из ас-яхов, слушающих, не мог определить, где кончается быль и начинается небыль.

Шли полдня вдоль Мах-еги. Прямее было по речному льду, но он был еще непрочен и в самых надежных местах едва достигал двухвершковой толщины. Выбрали место для лагеря и, бросив здесь часть имущества, перешли на бобровый берег. Куполообразное жилище прилепилось к толстому старому дереву с выпирающими наружу корнями, слилось с комлем и корневым переплетением в единое

Чудской экспорт. Топоры. Железо

Бегущие лоси. В уменьшенном виде. Хронологическая принадлежность неясна. Томская писаница (Кемеровская обл.)

Костяные наконечники стрел. В натуральную величину. I тыс. н.э. Усть-Полуйское городище в низовьях Оби (Тюменская обл.)

Деревянная стрела с тупым наконечником (томар). В уменьшенном виде. Этнография

целое. Ширина купола в основании не менее четырех саженей, высота на голову превышала рослого не по ас-яхски Ортана. Сложенная из разновеликих коряжистых бревен, скрепленная вязкой илистой грязью, бобровая юрта и летом была недоступна никакому зверю, даже медведю, а зимою, скованная морозом, не уступала твердостью камню и железу. Склонив голову в приветственном поклоне, Рач сказал:

— К бобровому народу люди ас-яхской земли в гости пришли. Никуда не уходите. Ждите нас.

После такой речи бобры, чтущие правила гостеприимства, не могли покинуть дом в течение семи дней. Старик спустился обратно на лед, долго ходил вдоль берегового склона, выискивая по одному ему известным признакам, где подо льдом выходят в воду тайные подземные лазы.

Весь следующий день заготавливали колья, жерди. Рач наметил две линии — справа и слева от бобрового дома: здесь речку должны пересечь по дну два словых ограждения, чтобы бобры не ушли через запасные норы к дальним польньям и застрехам. Закончив с городьбою,

полдня скалывали в прибрежье лед, от частокола до частокола. Пристроили к обнаруженным лазам полукруглые заборы-котцы из кольев, удалив предварительно оттуда весь бобровый корм. Когда вода в котцах подернулась льдом, пробили в нем маленькие дырки, вставили свеже-срезанные ивовые прутьики. Наутро извлекли наружу и убедились, что все объедены, значит бобры не покинули свое обиталище.

После этого сторожили котцы неотрывно, при рогатинах, разводя ими рождающуюся на поверхности ледяную пленку. Бобры вышли ночью при свете полной луны. Их обнаружили по всплескам и шатанию котцовой загороди. Пока убегающий старик-самец мешкал у лаза, пытаясь пропустить впереди себя супругу, Нарма и Ветлули закололи их рогатинами.

Утром разобрали котцы и положили добычу на нарты, брюхом вверх, чтоб не вышла священная бобровая струя. В зимовье прибыли через пять дней, добыв еще двух бобров.

Рач не торопился обратно в Леулпугл. Помог сыновьям отладить охотничью снасть, выбрать места для ловушек. Осмотрел наличный

запас стрел. Преобладали беличьи — томары, пригодные также на соболя, куницу, горностая и другого мелкого пушного зверя. Вместо острия беличьей стрелы оснащена тяжелым тупым набалдашником из капа или кости, чтоб не дырявить шкурку. Добывали белку между делом, при обходе ловушек, когда облаиваемый псом зверек открывался на дереве для верного убоя. Во всех других случаях от тупоголовой беличьей стрелы мало проку: недальнобойна, с трудом находит дорогу в густохвойном верху. Крепкая на удар зимняя белка часто успевала, падая, зацепиться лапкой за ветку, и достать ее в хвойной гуще с помощью шеста или второй тупой стрелы было весьма трудно, а то и вовсе невозможно.

Самая удобная и добычливая охота — ловушкой. Берут два половинных бревна. Первое кладут плоскостью вверх, второе на него, плоскостью вниз. Приподнимают конец верхней плашки, закрепляют на легкой опоре. Привязывают к последней гриб, кедровую шишку или иное беличье лакомство. Белка хватается приманку, нарушая устойчивость сооружения. Верхняя

плашка падает на нижнюю, прихлывающая доверчивого зверька.

Соболя тоже порою давила коварная беличья ловушка. Чаше же таежного красавца подстерегают на снегу и гонятся по следу с собакою, пока увертливый хищник не юркнет в корневую щель или под колодину. Тогда ставят у выхода нитяную сеть. Устав от долгого сидения, зверь выбегает на волю, запутывается в ней, и тут надо немедля убить его, иначе вмиг разгрызет некрепкие ячеи, и изнурительная гонка повторится сначала. Если соболь долго отсиживается в своем убежище, можно выкурить дымом.

Куницу, предпочитающую ходить верхним путем, преследуют по рони — роняемым ею с веток хвоям и снегу, который, падая на свежую порошу, делает едва заметные ямки, указывающие направление верхнего следа. Если кунице наскучит верхний бег, и она затаится в дупле или в беличьем гнезде, можно выманить ее, постучав лыжным посохом по стволу дерева. В конце концов, зверь, отчаявшись уйти верхом, переходит на нижний путь, и тут бдительный пес настигает его.

Завершив все дела, Рач собрался в обратную дорогу. Прощаясь у зимовья, давал последние советы:

— Если лось перейдет соболю тропу, не сбивайтесь на лосиную дорогу, потому что собаки станут терять старый след на перепутьях и впредь не добудут ни соболя, ни лося.

Не пускайте собак по росомашьему следу, ибо этот зверь нечист и презрен богами. Окруженная псами, она не вступает в честный бой, а испускает столь мерзкое зловоние, что собаки бегут от нее с жалким визгом и с той поры утрачивают смелость, глаза их теряют зоркость, а нос перестает ощущать запахи.

Однако если увидите это зловонное существо рыскающим вокруг лабаза, сразу убейте, иначе пищевой запас будет частью расхищен, частью изгажен.

Убив презренного зверя, не пренебрегайте его шкурою. Она обладает столь великой крепостью, что ни собака, ни волк не в состоянии прокусить ее...

Сыновья стояли в почтительном молчании, хотя слышали подобные наставления не первый раз. Закончив, отец махнул рукой и, не

оглядываясь, заскользил на восход, в сторону селения. Превысив след замело снегом, и старик шел пока по своей вчерашней лыжне, проложенной в поисках заячьей тропы. Впереди из кустарника взлетело несколько ворон. Покружившись, выжидательно уселись на мертвую лиственницу. Рач, оставив сани с поклажей, спустился в знакомую низинку, густо заросшую молодым ивнячком. Вынул из настороженной вчера петли мертвого зайца с выпученными глазами и проклянутым боком. Вернувшись к нарте, сунул под перевязочный ремень. Немного спустя увидел висящего в силке рябчика, но прошел мимо, надеясь, что замеченная им добыча останется в сохранности до очередного обхода ловушек сыновьями.

На третий день к вечеру обстукивал лыжи у порога своего жилища.